

Дмитрий Урсу, профессор
ОНУ им. И.И. Мечникова,
доктор исторических наук

ОДЕССКИЙ ТРАНЗИТ 1946 ГОДА *(репатриация советских граждан из Франции)*

*«... Отечества и дым нам
сладок и приятен»
(Г.Р. Державин)*

Настоящая работа продолжает тему, начатую автором в предыдущем номере альманаха «Юго-Запад. Одессика» (2009, № 8), только развивает ее в противоположном географическом направлении. Если в первой статье вектор исследования шел по линии Восток – Запад, а главными персонажами были французские граждане, то теперь мы рассмотрим различные аспекты перемещения тысяч советских граждан в обратном направлении – с Запада на Восток. Есть в этих двух исследованиях и асимметрия содержательная: там речь в основном шла о военнопленных эльзасцах, служивших в германской армии, а здесь действующими лицами станут мирные крестьяне-земледельцы, попавшие во Францию задолго до войны с восточных земель Польши, вошедших в состав СССР в 1939 г. Имеются, наконец, отличия хронологические – первый раз Одесса стала транзитным пунктом для репатриантов в 1945 г. В настоящей статье речь пойдет о подобном же явлении, имевшем место в 1946 и последующих годах.

Приступая к изложению итогов своей работы, автор не скроет от читателя, что заниматься историей репатриации он начал под впечатлением от просмотра талантливого кинофильма «Восток-Запад». Захотелось узнать по подлинным документам о показанных в нем событиях и явлениях, мало освещенных в научной литературе, и ответить на вопрос: насколько достоверна заложенная в основу этого художественного произведения сюжетная история с репатриантами из Франции, попавших в непривычную обстановку позднего сталинизма.

«Великое возвращение» советских граждан из Европы через Одессу начали военнопленные, освобожденные войсками союзников из немецких лагерей, и переселенцы украинской национальности из приграничных территорий Польши. Хотя этот многотысячный миграционный поток шел одновременно, его следует разделить на две части и рассмотреть отдельно. Скажем несколько слов о военнопленных.

О прибытии в Одессу английских кораблей с освобожденными американцами и англичанами советскими военнопленными писала весной 1945 г. местная пресса, не приводя, впрочем, никаких конкретных цифр. Ничего не говорилось и о будущей судьбе этих первых репатриантов. Обобщенные данные со ссылкой на заявление английского министра без портфеля Лоу были обнародованы лишь летом. Министр сказал, что с октября 1944 г. до начала июня 1945 г. из Англии репатрировано в СССР 45,5 тыс.чел., а также американцами еще 14,5 тыс. Все они, общим числом 57 тыс.чел., были

перевезены в СССР на английских кораблях. Это были как освобожденные из немецких лагерей красноармейцы, так и те советские граждане, которые служили в германской армии [1]. Как теперь стало известно, что в антисоветских формированиях вермахта (Русская освободительная армия генерала Власова, казачий корпус генерала Краснова, в национальных легионах, в отдельных батальонах так называемых «хифи» – вспомогательной полиции и проч.) служило до двух миллионов человек. Многие из них попали в плен к союзникам, которые, начиная с осени 1944 г., стали возвращать их в СССР морем – сначала через Мурманск, а с марта 1945 г. – через Одессу.

В донесении Уполномоченного по делам репатриации при Совнаркомме /Совмине СССР генерала Ф.И. Голикова заместителю председателя Совмина В.М. Молотову/ сообщалось, что с осени 1944 г. до конца марта 1946 г. с территорий иностранных государств отправлено на родину 5,4 млн. советских граждан [2, 275]. В это число вошли как военнопленные, освобожденные Красной армией и союзниками, так и гражданское население, угнанное нацистами в трудовое рабство («остарбайтеры»). Всех возвращавшихся отправляли в специальные заведения для проверки и политической фильтрации. К приему этих людей готовилась и Одесса: с 15 марта 1945 г. на базе санатория им. Ленина на Куяльнике действовал областной приемочно-распределительный пункт (ПРП) репатриантов вместимостью в 1 тыс. мест [3, 3].

Однако с первых дней его работы началась ведомственная неразбериха – стали исчезать целые эшелоны с возвращавшимися. Уже 16 марта облисполком запрашивает главного диспетчера Одесской железной дороги о пропавшем эшелоне. Еще в прошлом месяце он был направлен в Одессу, имея 615 чел. из Кракова и 155 чел. из Ченстохова [4, 10]. На 1 июля 1945 г. в Одессу поступило 992 репатрианта, освобожденных Красной армией на территории Германии и ее союзников. Вот перечень мест, откуда прибыли эти люди: Ченстохов, Будапешт, Брест, Бромберг, Хыров, Яссы, Кишинев [5, 39]. Репатрианты в наш город поступали с военных (армейских и фронтовых) сборно-пересыльных пунктов и проверочно-фильтрационных пунктов НКВД. В отчете за 1945 г. сказано, что в Одесский ПРП было принято и отправлено на прежнее местожительство 6 200 чел. [4, 203]. По неполным данным, из них были военнопленными 1 160 чел.; причем весьма примечательно, что добровольно на шахты Донбасса поехали только 67 чел. [6, 91].

Вообще говоря, статистика репатриации в Одессе сильно хромала, поэтому в источниках приводятся противоречивые данные, а в Киеве, по-видимому, отчеты одесситов вообще не читали. Так, в одном донесении говорится, что на 1 марта 1947 г. из Германии и стран сателлитов в порядке репатриации прибыло 2 665 чел., но на деле – примерно тысяч пять с лишним [7, 42]. Более точные данные приведены в информационной записке по состоянию на 1 апреля 1947 г. В Одессу из немецкой неволи всего прибыло 17 890 чел., выслано из области в отдаленные районы СССР лиц немецкой национальности 1 572 чел. Из прибывших арестовано карательными органами пять чел. [6, 110]. В материалах Одесского облисполкома обнаружены свидетельства, опровергающие цифры Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), расследовавшей злодеяния оккупантов во время войны, на

которые ряд одесских историков ссылаются как на истину в последней инстанции. Вот один пассаж из этого документа: «Данные гос. комиссии (так в тексте. Следует – ЧГК.– Д.У.), по всей вероятности, брались сугубо ориентировочно и являются далеко не точными. По городу Одессе числится 21 607 чел. угнанных, а вернулось всего 4 000 чел.» [6, 140]. Поэтому этим историкам нелишне напомнить непреложное правило о критическом подходе к историческим источникам, особенно к таким, которые создавались с явной целью всемерного преувеличения описываемого явления и усугубления его последствий.

Кроме того, следует иметь в виду, что военное ведомство часто скрывало от советской власти в лице облисполкома точное число вернувшихся военнопленных и их дальнейшую судьбу. В документе, посланном в Киев, делались примечательные выводы: «Из полученных в результате обследования материалов видно, что из Одесской области люди в Германию почти не угонялись, за очень редкими исключениями. В Германию уезжали и вывозились главным образом граждане немецкой национальности, которые проживали до войны почти в каждом районе Одесской области. Очень большое количество репатриантов составляют бывшие военнопленные граждане, на которых в органах репатриации нет учета. Имеющиеся полные и точные сведения на весь этот контингент в военных комиссариатах нам не дают» [6, 243]. Общий итог репатриации советских граждан с территорий, освобожденных Красной армией, таков: в Одесскую область вернулось 20 тыс.чел., из которых $\frac{3}{4}$ - бывшие военнопленные и $\frac{1}{4}$ - насильственно угнанные и добровольно уехавшие граждане [6, 209].

Любопытный документ сохранился в архивном фонде Водно-Транспортного (позже - Центрального) райкома партии города Одессы – список репатриантов, в том числе бывших военнопленных, на конец 1945 г. На учете в милиции состояли 137 чел. разных возрастов: самому старшему было 70 лет, младшему – всего 15. Больше было людей, призванных в армию с началом войны. В графе «Откуда взяты в плен» стояли города Одесса, Вознесенск, Николаев; один попал к немцам в плен в... Палестине (как это могло случиться, непонятно). Эти люди были репатриированы преимущественно из Румынии, Германии и Австрии; двое – из Франции. Наконец, в последней графе «Откуда прибыли» значились города Кишинев (там был большой проверочно-фильтрационный лагерь Смерш), Брест, Торгау, Плау, Мекленбург; те двое, что вернулись из Франции, транзитным пунктом назвали Пейхойт [8, 1-2].

Одесские власти регулярно отчитывались в Киев о трудоустройстве и поведении новопривывших граждан. Любопытные сведения приведены в одной из таких бумаг о репатриантах в одесских вузах, где преподавали и учились 154 чел., из них 121 студент, два профессора, пять ассистентов. Названы некоторые имена: в Институте связи преподает Полизо Дионисий Георгиевич – профессор кафедры прикладной механики, «аккуратный и дисциплинированный работник». Здесь же трудится ассистентом Гурвиц М.Г. (инициалы не раскрыты), «добросовестный и исполнительный работник». Такая же положительная характеристика дана профессору Николаи Борису Леопольдовичу из ОВИМУ; он также по совместительству заведует кафедрой в

Институте связи [6, 112]. В документе, к сожалению, не указана страна, из которой прибыли столь добропорядочные граждане.

Что касается советских граждан, освобожденных союзниками, то с самого начала их массового возвращения возник международно-правовой конфликт о допустимости их насильственной депортации. Советский Союз требовал от союзников выдачи всех своих граждан, в том числе жителей аннексированных в 1939-1940 гг. стран и территорий. Однако Генеральная Ассамблея ООН приняла 14 февраля 1946 г. резолюцию о добровольной репатриации. При обсуждении проекта этого решения представитель США г-жа Элеонора Рузвельт защищала тезис о неограниченной свободе всех людей выбрать страну и место проживания. Против выступил А.Я. Вышинский, злобный прокурор предвоенных «московских процессов». С присущим ему хамством и в грубом тоне он требовал «вернуть преступников, изменников и квислинговцев (синоним власовцев и красновцев. – Д.У.) на родину для справедливого суда над ними». Причем советское гражданство он толковал расширительно, включая не только людей, проживавших до войны на отторгнутых польских и румынских землях, но и в странах Балтии, с чем не соглашались западные державы. Несмотря на демагогические заклинания сталинского палача-дипломата, Генеральная Ассамблея приняла резолюцию против принудительной репатриации [9, 226-229]. Тем не менее, Советский Союз продолжал настаивать на своем. Вопрос о добровольности репатриации советских граждан стал одним из острых моментов развернувшейся «холодной войны». Тот же Вышинский год спустя на Московской сессии Совета министров иностранных дел при обсуждении вопроса о перемещенных лицах лицемерно утверждал, что в европейских странах «... большое количество советских граждан находится в лагерях для перемещенных лиц и влачит жалкое существование. Эти граждане подвергаются постоянным угрозам и запугиванию со стороны фашистских и других враждебных СССР элементов, мешающим им возвращаться на родину» [10, ч. 1, 407-409]. На конец 1947 г. таких «невозвращенцев» в странах Западной Европы насчитывалось 400 тыс.чел. [2, 355]. Однако большая часть советских граждан, очутившихся в годы войны за границей и попавших в зону действия союзных войск, предпочла вернуться на родину. К 1 марта 1946 г. их насчитывалось более двух миллионов, а именно 1,4 млн. гражданских лиц и 960 тыс. военнопленных [11]. Причем следует учесть, что деление на гражданских и пленных не было существенным; и те, и другие проходили соответствующую проверку и фильтрацию и только после этого отправлялись по месту жительства.

Одновременно с приемом репатриантов, освобожденных Красной армией и союзниками, в Одессу шел поток переселенцев из Польши [см. подробнее: 12]. Еще в сентябре 1944 г. было подписано межправительственное соглашение между Украинской ССР и Польшей о взаимном обмене (в тексте – «эвакуация») населением в приграничной зоне: поляки с Украины должны были добровольно выехать в Польшу, а украинцы из Польши – в Украину. Добровольность была весьма относительной, так что скорее можно говорить о принудительном переселении или депортации. Она проводилась с тем, чтобы лишить партизан ОУН-УПА массовой базы и исключить вооруженные столкновения на границе. Обмен населением должен был закончиться к 15 февраля 1945 г., а фактически

прекратился полутора годами позже. Украинцев расселяли преимущественно в непривычных для них природно-климатических зонах, в враждебное языковое окружение на востоке и юге республики. В Украину из Польши тогда переехало, по официальным данным, 480 тыс.чел., фактически – много больше [13, 612-613].

В отличие от других мест Украины, где не было жилья, в Одесской области прибывающих из Польши крестьян было куда поселить – они нашли пристанище в 102 пустовавших немецких колониях. Во многих районах, однако, переселенцам жилья не предоставили, и они ютились в хозяйственных помещениях или же их подселяли на уплотнение в более чем скромные дома местных обитателей, создавая многочисленные конфликтные ситуации. На 20 марта 1945 г. в Одесскую область прибыло 4 752 семьи переселенцев, но домами были обеспечены лишь четвертая часть из них. Примерно столько же получили приусадебные участки и имели возможность засадить их картофелем, «хлебом бедных». Остальные остались и бездомными, и безземельными; вдобавок, многие колхозы не принимали переселенцев в свои члены, что еще больше усиливало у них чувство недовольства [14, 49].

Несмотря на все эти трудности, миграционный поток из Польши в районы Одесской области нарастал. К 15 мая прибыло 6 292 семьи (всего 22 441 чел.) [15, 38]. Продолжали они поступать, хотя и гораздо медленнее, и дальше, так что к концу 1946 г. на Одессине поселились 6 905 семей. Однако еще с весны 1945 г. начался обратный отток сельского населения. Другими словами, стихийное бегство переселенцев в привычное для них в природном, языковом и религиозном плане западные области УССР. В донесении секретаря Одесского обкома партии А.И. Кириченко председателю Совмина республики Н.С. Хрущеву сказано, что на постоянное жительство в области остались только 1 059 семей. «Остальные самовольно выехали в области Западной Украины» [16, 67]. Таким образом, из почти 7 тыс. семей (примерно 25 тыс.чел.), прибывших в течение двух лет, осталось чуть больше одной тысячи или около трех с половиной тысяч человек. Это массовое бегство, или обратное переселение, было повсеместным, оно охватило все районы области. Вот сообщения с мест. В Мостовской район принято 490 семей, самовольно выехало 325, на 1 декабря 1946 г. осталось 165 семей. В Беляевский район прибыло 317 семей, выехало 287. Причины бегства обком партии видел в том, что, мол, «политическая работа [велась] крайне неудовлетворительно» [17, 31, 48]. О начавшемся жестоком голоде в официальных документах – ни слова. Несколько иным была обстановка в Березовском районе, где обеспеченность жильем и помещениями для скота была лучшей за счет покинутых немецких поселений. Здесь осталась жить 391 семья переселенцев из Польши, а выехало из района только 188 семей [18, 84]. Тоже, согласитесь, много – около 30%. Люди убегали от голода, неустройства, от чужой природной и языковой среды поближе к родным местам, ближе к могилам предков.

В такой сложной обстановке началась репатриация и реэмиграция советских гражданских лиц, этнических украинцев, белорусов, русских, армян из стран Западной и Юго-Восточной Европы, задуманная как большое пропагандистское мероприятие. Она охватила Францию (украинцы, белорусы), Болгарию и Румынию (русские), а также США, Болгарию, Сирию (армяне).

Советские руководители хотели использовать в своем идеологическом противоборстве с Западом ту могучую волну патриотизма, которую породила победа над нацизмом, показать мощь и привлекательность советского общественно-политического строя. Однако поскольку организационная и материальная инфраструктура к приему огромной массы людей не была надлежащим образом подготовлена, далеко не все, что было задумано «кремлевскими мечтателями» удалось осуществить. Это хорошо видно на примере Одесской области.

О предстоящем приезде репатриантов морем одесские власти узнали летом 1946 г., когда получили указания Совмина республики от 20 июля по организации приема и размещению граждан украинской национальности, прибывающих из Франции в порядке репатриации. Спустя две недели документ был конкретизирован облисполкомом. Прибывающих решено было разместить в 186-м лагере в Люстдорфе и на пересыльном пункте на Куяльнике. Кроме того, предполагалось передать под общежитие вместительный дом по Черноморской улице для устройства общежития. Дом следовало в 10-дневный срок отремонтировать, оборудовать в нем столовую на 100-120 мест; для спален надо было подготовить 100 железных кроватей и столько же матрацев. Однако когда спустя месяц репатрианты прибыли в Одессу, ни общежития, ни столовой они не увидели, так как горисполком задание вышестоящей организации провалил [19, 25-30].

Не успели «отцы города» хорошо разобраться с размещением ожидаемых новоселов, как в Одессу из Киева пришел новый, более важный документ – совместное постановление ЦК партии и Совмина от 13 августа того же года. Хотя оно и исходило от двух директивных органов, было подписано одним человеком – Н.С. Хрущевым, совмещавшим должность первого секретаря и главы правительства республики. План выполнения этого постановления одесские руководители подготовили спустя... полгода, в апреле 1947 г., когда репатрианты давно уже были в Люстдорфе. Можно предположить, внимательно изучая эту обширную официальную бумагу с двумя приложениями, что 1947 г. обещал быть урожайным на прибытие новых граждан с берегов Сены и Луары. Однако набравшая обороты «холодная война» и ухудшение советско-французских отношений заставили подготовленную программу сильно сократить. Впрочем, рассмотрим события второй половины 1946 г. по порядку.

2 сентября 1946 г. в Одесский порт вошел теплоход Балтийского морского пароходства «Вячеслав Молотов», имея на борту 622 репатрианта украинской и белорусской национальности из районов бывшей Польши. Об этом волнующем событии в архиве остались два сообщения – отдела облисполкома по репатриации и обкома партии, подписанное Кириченко [6, 102-106; 15, 63-66]. Вызывает, однако, удивление, что свою депешу в ЦК молодой выдвиженец Хрущева послал с опозданием ровно в три месяца после события. Если объединить обе эти информации в краткий хроникальный рассказ, то получится следующая картина прибытия в Одессу первой партии репатриантов из Франции.

До прихода корабля местные власти были уверены, что транзитом едут реэмигранты, которых нужно принять, накормить и направить в другие города

страны. И только за два часа до захода «Молотова» в порт стало известно, что на корабле не русские реэмигранты, а репатрианты – граждане украинской и белорусской национальности, по профессии горняки и текстильщики. Ввиду позднего прибытия ночь корабль провел на внешнем рейде, а утром 3 сентября вошел в порт, где после разгрузки людей состоялся торжественный прием новых советских граждан. На митинге выступили представители местных общественных организаций, а также четверо прибывших, которые, как сказано в партийном отчете, «в своих выступлениях выразили горячую благодарность товарищам Сталину, Молотову и Хрущеву за заботу о них <...>». Потом люди и их имущество были на автомашинах переброшены в транзитный лагерь Одесского военного округа в Люстдорфе. Далее в обеих реляциях, посланных в Киев, пространно рассказывается о том внимании, которым были окружены репатрианты. Детям выдавали белый хлеб и в течение недели на всех по 50 литров молока, хотя люди до отъезда провели в лагере 12 дней и неизвестно, на сколько ртов нужно поделить это молоко. Получается, что детишек поили молоком только первую неделю, а на вторую – не хватило или пожалели? Или товарищ Кириченко подписал бумагу в ЦК, не прочитав ее?

Кроме достижений с белым хлебом и молоком детям одесситы похвастались в Киев тем, что в лагере был открыт ларек, «в котором в достаточном количестве были папиросы, спички, туалетное мыло и другие галантерейные товары». Это-то людей, проживших по 20 лет во Франции (многие туда выехали еще в 1926 г.) или там родившихся, хотели соблазнить таким нищенским ассортиментом. Пригородные колхозы привезли в лагерь и продали по твердым колхозным ценам две тонны винограда, две тонны арбузов и дынь, 500 кг огурцов, кабачков и других овощей. Да вот досада: репатриантам обменяли не всю привезенную валюту, а только новые франки, введенные в оборот после денежной реформы. «Такое положение, – отмечает исполкомовский отчет, – вызвало большое неудовольствие и нарекания и безусловно отрицательно действует на психику людей и [вызывает] нездоровые разговоры и нарекания». Короче, имел место факт обычного головотяпства чиновников.

Зато в области идейно-политической работы одесские пропагандисты оказались на высоте. Родившихся в «панской» Польше и выросших в «буржуазной» Франции текстильщиков и горняков подвергли массовой обработке с целью искоренения пережитков «проклятого прошлого» и перевоспитания в духе передовой марксистско-ленинской идеологии. Прежде всего, их стали регулярно снабжать советской прессой (газетами «Правда», «Известия», «Правда Украины», «Большевистское знамя», «Чорноморська комуна») по 250 экземпляров ежедневно, хотя они и не знали русского языка, да и украинский основательно подзабыли. Ведь на родине они ходили в польские школы, а в эмиграции перешли на французский. Для неграмотных, малограмотных и престарелых проводились коллективные читки газет. Затем на репатриантов посыпались доклады и беседы на животрепещущие темы: «Государственный и общественный строй СССР», «Как рабочие и крестьяне захватили власть в 1917 г.», «Что такое коммунистическая партия и за что она борется», «Сталинская пятилетка восстановления и развития народного хозяйства», «О дружбе народов СССР» и т.п. Некоторые беседы с приезжими

проводились на французском языке. В течение 12 дней пребывания в лагере репатриантам показали кинофильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Клятва», «Два бойца», «Великий гражданин», «Богатая невеста». Были также проведены семь концертов и двадцать выступлений художественной самодеятельности; свое мастерство показали аккордеонисты, скрипачи и балалаечники, прибывшие из Франции и не забывшие на чужбине дедовские обычаи. При отправке из Одессы репатрианты получили 300 экземпляров республиканских и местных газет, 250 экземпляров различных брошюр, нашедших применение, надо полагать, для закрутки сигарок. Ведь не может быть, чтобы среди такой массы западных украинцев не работала, глубоко конспиративно националистическая, антисоветская пропаганда.

Репатрианты выехали из Одессы, но в каком направлении двинулись новые советские граждане, в документах не указано. Уезжая, они оставили два благодарственных письма – товарищам Сталину и Молотову (о Хрущеве в обкоме партии, видимо, забыли). Письма были отправлены во Францию оставшимся там украинцам и белорусам с призывом скорее возвращаться на свою настоящую родину – в СССР.

Ровно три месяца спустя после первого, 3 декабря 1946 г., Одесса встречала второй корабль с репатриантами из Франции. На электроходе «Россия» прибыли 2 160 чел., как и в прошлый раз – украинцы и белорусы с восточных территорий Польши, а также, если верить местной газете, более 200 семей реэмигрантов русской национальности (этот факт другими документами не подтвержден). Среди прибывших были люди 60 профессий, – много квалифицированных шахтеров, ткачей, слесарей, шоферов. Среди представителей науки, техники, культуры в газетном репортаже названы инженер-кораблестроитель тов. Радченко, писатель тов. Рощин, инженер-конструктор тов. Шилин, профессор тов. Цукерштейн. Встречали этих достойных людей местные власти не столь радушно, как прежде. Назначенный на 10 часов утра следующего дня митинг не начинался до половины первого; на крепком морозе и ветру собравшиеся основательно промерзли. Выступали городские руководители на митинге, как сказано в рапорте, посланном в Киев, «очень неудачно и неподготовлено». Уже в Люстдорфе не было ни ларька с туалетным мылом, ни колхозных машин с арбузами и виноградом. Одесса и область были на голодном пайке, последствия которого в полную силу ощутили новоприбывшие граждане с берегов Сены и Луары.

Приплывшие на «России» репатрианты, как и те, которых привез «Вячеслав Молотов», провели в Одессе 12 дней, затем большинство из них – всех белорусов и часть украинцев – были отправлены в места постоянного проживания; в частности, шахтеров повезли в Донбасс. Вывоз людей производился железнодорожным транспортом самым негуманным способом – в товарных вагонах. В донесении исполкома по этому поводу с возмущением сказано: «Ужасное настроение и недовольство репатриантов из Франции <...> произвела отправка их в товарных вагонах, которые Одесской железной дорогой были поданы грязными, из-под угля и других грузов, в некоторых [вагонах] стояла вода. Отправленные эшелоны не были обеспечены в достаточном количестве свечами, топливом, досками для нар <...>». Далее в этом письме рассказано о диком случае на станции Одесса-Главная,

произошедшем 12 декабря: вагон поезда до Иловайска, в котором должны были ехать шахтеры с детьми, оказался занятым другими пассажирами. Пришлось трижды срывать стоп-кран; даже при этом из 40 чел. удалось отправить только 16 чел., остальные остались на перроне и должны были вернуться в Люстдорф [6, 105-108; 20].

Из имеющихся документов неясно, в какие города и в каком количестве были вывезены пассажиры двух судов, доставивших из Франции новых советских граждан. В отчете отдела по репатриации за 1946 г. приведены лишь общие данные: в сентябре и декабре в Одессу прибыло транзитом из Франции на кораблях «Молотов» и «Россия» граждане украинской и белорусской национальности, а также небольшая группа русских реэмигрантов, общим числом 2 785 чел., из них мужчин 1 020, женщин 741, детей до 16 лет – 1 024 [6, 94]. Не сообщалось, сколько людей из общего числа прибывших было оставлено в Одессе и области.

Интересно отметить, что почти одновременно с украинцами из Франции в Одессу поступали русские из Болгарии. Их перевозили на пароходе «Карл Маркс» - старой посудине 1899 г. постройки, которая лишь чудом не пошла ко дну [21, 1]. Корабль сделал два рейса и перевез в Одессу 1 310 крестьян вместе с их скотом и фуражом. Этих людей на жительство отправили частью в Сталинскую и Запорожскую области, частью – в Херсонскую и Николаевские области. И вновь таки новоприбывшие с полным основанием считали себя обиженными и обманутыми. «Наши военные представители в Болгарии [из ведомства генерала Голикова. – Д.У.], – объясняет недовольство официальный документ, – неправильно информировали отъезжающих – не брать с собою муки и других сельскохозяйственных продуктов, так как для вас, мол, в России уже все приготовлено и в этом нет никакой нужды. У нас хлеба хоть завались» [6, 105-108]. Последняя фраза поражает своей циничной лживостью. Неудивительно, что больше из Болгарии в СССР не переехал ни один человек русской национальности (об армянах речь впереди). Несколько позже, уже в 1947 г., началась реэмиграция из Румынии русских старообрядцев – крестьян и рыбаков. Всего в СССР переехало 6 тыс.чел. [11]; небольшая часть из них была принята в Одесской области.

С большим опозданием, только в апреле, одесские органы власти разработали мероприятия по приему репатриантов из Франции на 1947 г. Планы эти были, прямо сказать, грандиозные. 1 апреля вышло совместное постановление бюро обкома партии и облисполкома под длинным заглавием «О приеме, расселении и трудоустройстве граждан украинской национальности, прибывших в порядке репатриации из Франции». Этим документом утверждался план размещения новоприбывших по совхозам области в системе двух трестов – виноградарских (Одесвинтрест) и пригородных совхозов. Винтрест должен был принять 450 семей и для каждой подготовить дом (квартиру); 960 одиночек будут поселены в 12 общежитиях. Что касается треста пригородных совхозов, то для 282 рабочих он должен был найти 118 квартир, а 23 одиночек могут проживать в общежитии. В партийно-государственном постановлении нет общего количества принимаемых людей, но если исходить из того, что каждая семья репатриантов в среднем насчитывала 3,57 чел., то в итоге получается, что Одесская область должна

расселить и разместить примерно 1 900 чел. репатриантов украинской национальности. Районами расселения были назначены следующие: Овидиопольский, Коминтерновский, Березовский и Раздельнянский. Обком и облисполком обязали соответствующие организации для обустройства новых работников выделить стройматериалы из централизованного фонда (лес, пиломатериалы, стекло, гвозди, причем все с точностью до килограмма и квадратного метра), а также стройматериалы местного производства – известь, кирпич, олифу, алебастр, белила.

В том же месяце бюро обкома приняло новое постановление «О приеме, культурном обслуживании и массово-политической работе среди граждан украинской национальности, прибывающих в порядке репатриации из Франции». В этих двух партийных документах не вполне ясен главный вопрос: о чем, собственно говоря, идет речь? В одном говорится о гражданах, *прибывающих* (то есть о тех, кто еще в пути), в другом – о гражданах, *прибывших* из Франции (то есть о тех, которые уже находятся в Люстдорфе в ожидании своей участи) [19, 25-34]. Впрочем, обкомовские функционеры не были сильны в русской грамматике, о чем свидетельствуют многочисленные стилистические и орфографические ошибки в их писаниях. Ответ на вышепоставленный вопрос находится в том же архивном деле, только сотней листов далее: из Франции в Одесскую область принято 1 715 граждан украинской национальности, из них трудоустроены в Одвинтресте 1 400 чел. и в тресте пригородных совхозов 315 чел. [19, 127].

Казалось бы, итоговая цифра, наконец, найдена, однако не все так просто: партфункционеры путались не только в правилах грамматики, но и в статистике. Продираться исследователю сквозь нагромождение цифровых данных, нередко противоречащих друг другу, весьма затруднительно. В противовес приведенным выше данным в отчете за 1947 г. встречаем следующее утверждение: «Первоначально планировалось трудоустроить 250 семей и 100 чел. одиночек, но их проезд затянулся». Может быть, речь идет о тех репатриантах, которые должны дополнительно прибыть железнодорожным транспортом? Рядом помещена еще одна цифра: гражданам из Франции выдана единовременная помощь в сумме 170 тыс. рублей на 958 чел. Значит, около одной тысячи человек все таки находились в Одессе. В самом городе, сказано далее, осталось жить только 45 чел. и им оказана помощь по 300 руб. на душу и по 10 кг. муки [6, 143-149]. По всей вероятности, все эти люди, сколько бы их ни было – 1 715 или чуть больше 1 000, – прибыли в Одессу морем на электроходе (так тогда выражались) «Россия» в декабре 1946 г.

Правда, имеется сообщение и о том, что в сентябре 1947 г. железнодорожным транспортом через Ковель и Гродно прибыли в Одессу 34 репатрианта из Франции. Их разместили в ПРП на Куяльнике и выдали денежную помощь по 300 руб. на каждого. Далее следует столь яркая оценочная характеристика приехавших, что ее стоит привести полностью: «Прибывший контингент довольно капризный и требовательный. Почти все категорически отказываются работать и жить в сельской местности, требуя трудоустроить только в Одессе, ссылаются при этом [на то], что им во Франции нашей комиссией [по репатриации] было все это обещано. Другие хотят, чтобы их сразу поместили в санатории для лечения, так как у них, видите ли, болит

голова и они не могут работать, что им прежде всего нужны соляные купели (видимо, ванны.— Д.У.) и т.д. Третьи не могут жить без электричества и носить воду из колодца <...>, а дети их должны сразу учиться в консерватории на аккордеонах и т.д. и т.п.» [6, 124]. Комментарии к сказанному, как говорится, излишни.

1947 год — переломная дата в деле репатриации советских граждан из Франции. С одной стороны, она полностью прекратилась к концу года в связи с громким международным скандалом вокруг советского репатриационного лагеря вблизи Парижа. С другой стороны, в течение этого года «одесские французы» рассеялись по Украине, бежав от голода главным образом в ее западные области. Начнем с последней проблемы, имеющей для нашего повествования первостепенное значение.

Когда украинцев, бывших жителей Польши и затем Франции, а теперь советских граждан, поселили в совхозы Одесской области в полный разгар жестокого голода, они, естественно, стали проявлять недовольство и выставлять такие требования, которые властям казались непонятными и неприемлемыми. Кроме того, репатрианты не соглашались жить в нищенских условиях и трудиться за гроши, на которые нельзя было ничего купить. Этот конфликт отражен в официальных бумагах. Вот, например, как он изложен в одном документе: «Эти люди совершенно не желают работать в сельской местности (лучше сказать: при колхозно-совхозной системе.— Д.У.), требуют большого домашнего комфорта и [согласны] жить только в городе, а также [они привыкли] без конца ныть и [требовать], чтобы их снабжали без конца за счет государства всем и вся, так как они, видите, приехали на батьківщину». Читателя не может не возмутить цинизм последней фразы, — и это пишет этнический украинец Доценко такому же украинцу Зозуленко в Киев. Произнести святое слово «Батьківщина» с таким презрением мог только настоящий манкурт. Это яркий образчик уровня патриотизма и национального самосознания многих обрусевших украинцев той эпохи. Если вернуться к основной идеи приведенной цитаты, то причины недовольства репатриантов хорошо объяснил тот же Доценко: «Дело в том, что все эти люди привыкли жить экономически гораздо лучше, чем они живут в настоящее время в Одессе» [6, 149, 192]. Да, это действительно так: «*Гораздо лучше*». Если бы эти слова партчиновник произнес публично, при народе, а не в секретном донесении, то жестоко бы поплатился за такие еретические, но справедливые слова.

В течение полутора лет после прибытия репатрианты из Франции разбежались кто куда. К осени 1948 г. их в городе и области осталось 24 семьи: 20 — в Одессе и 4 семьи — в совхозе «Днестровский» Овидиопольского района. Последние, по словам очевидца, «работают в сельском хозяйстве разнорабочими и живут посредственно». Их пребывание в «краю Овидия» не оставило никаких следов ни в истории, ни в экономике района. И такое мнение вполне обосновано, ведь вклад их в развитие края оказался минимальным, в отличие от переселенцев из Польши, составивших внушительную производительную силу из 600 семей (более 2 200 чел.) [22, 256-257, 508-510]. Правда, и эти люди грустили за родным краем и со временем многие из них перебрались ближе к польским границам.

Что же касается «французов», осевших в городе, то их судьбе тоже не позавидуешь: известный во Франции певец-бас Кузнецов-Оксанский не был принят в оперный театр, ему пришлось зарабатывать ни жизнь пением в церковном хоре, жена служила лаборантом в Политехническом институте. Иной пример: И.Н. Горбань, по профессии автомеханик, работал весовщиком на обувной фабрике. Другой репатриант, по официальному признанию – крупный авиамеханик, трудился в мастерской, бедствовал: жена не была трудоустроена, сын бросил учебу в институте и пошел работать. Вместе с тем, и это очень примечательно, в официальных бумагах признают профессионализм и высокую нравственность приехавших из Франции: «Все буквально организации, в которых работают репатрианты, дают хорошие отзывы об их работе и поведении. Сами же они своим положением и условиями, в которых живут и работают, не совсем довольны» [6, 196]. Из приведенных фактов вытекает другой вывод: *совсем не довольны*.

Недовольство репатриантов и реэмигрантов, осевших в Одессе, объясняется не только материальными трудностями, но и их дискриминацией при приеме на работу и учебу, унижениями и оскорблениями как со стороны власти имущих, так и окружением: коллегами по работе, соседями, соучениками. Такое отношение культивировала и поддерживала партийная пропаганда, объявившая беспощадную идеологическую войну всему иностранному: «низкопоклонству перед Западом», «безродным космополитам» и т.п. Достаточно привести следующий факт: репатриантка из Румынии с отличием окончила Одесский медицинский институт, была принята в аспирантуру и, уже имея готовую диссертацию, была под надуманным предлогом отчислена. По ее жалобе отдел облисполкома провел объективную проверку и посчитал все случившееся грубым нарушением прав советского гражданина именно на почве ее прежнего пребывания за границей. Но и проверяющие не удержались на нравственной высоте: дирекцию института признали виновной в том, что «здесь свили гнездо националисты-шовинисты и безродные космополиты». Политические ярлыки эпохи ясно указывали на этническую принадлежность преподавателей медуниверситета. Можно добавить, что гонимая была по национальности русской [6, 234-235, 262].

Несколько слов о реэмигрантах в Одессе. Их на конец 1949 г. в городе зафиксировано из Франции – 27 семей (48 чел.) и из Китая – 47 семей (98 чел.). Интересен их национальный состав: из Франции вернулись 38 русских, 6 украинцев и 1 еврей; из Китая – 70 русских, 23 еврея и 3 украинца [6, 225]. Эти цифры дают повод к определенным размышлениям. Можно предположить, что евреи, уехавшие в годы гражданской войны и будучи хорошо информированными, не желали возвращаться в Одессу, а предпочли уехать в Палестину, чтобы строить собственное государство. Те же из них, кто очутился в Китае, такой возможности не имели и волею обстоятельств вынуждены были вернуться в СССР. Чем занимались и как жили реэмигранты в Одессе, сказать невозможно из-за отсутствия документальных свидетельств. Попытки автора статьи найти и побеседовать с оставшимися в живых или их потомками увы! оказались безрезультатными.

Выше мы упоминали о репатриантах из Румынии. Они прибыли в Одесскую область в октябре 1947 г. в количестве 70 семей (338 чел.) и для их

трудоустройства был создан специальный совхоз им. 30 лет Октября. Спустя полтора года здесь осталось 50 семей и они, кажется, закрепились на этой земле довольно основательно [6, 158, 237, 245]. Приехав из близкой по природно-климатическим условиям зоны и будучи русскими по происхождению, они не испытывали тех огромных социальных и психологических стрессов, что переселенцы из Польши или репатрианты из Франции.

Начиная с апреля 1947 г. в Одессе и области в соответствии с директивой ЦК КП(б)У стала проводиться кампания посылки писем в лагеря ЮНРРА (так называлось ведомство ООН для оказания помощи перемещенным лицам), расположенных в Германии, Франции и Австрии. Во всех районах партийные комитеты и райотделы МГБ стали составлять списки лиц, имевших родственников и близких в названных выше странах, с их подробными характеристиками. Многие люди под разными предлогами отказывались заманивать своих близких в неблагополучную советскую действительность; таких брали на заметку и они ставились на особый учет. Содержание посланий в капиталистические страны было одинаковым: адресатов звали вернуться в СССР и на все лады расписывалась жизнь тех, кто здесь остался. Из истории можно вспомнить еще один пример посылки «прелестных листов» – примерно таким способом бунтовщик Емелька Пугачев обращался к крепостным крестьянам с призывом стать под его мятежные хоругви. Если посмотреть в словарь В.Даля, то узнаем, что в русском языке слово «прелестный» имело много значений, в том числе «соблазнительный, лукавый, обманный». К отправляемым на Запад письмам эти значения вполне подходят. Затея ЦК шла туго: в 1947 г. из Одесской области было отправлено 18 писем, в 1948 г. – еще 31 [6, 211]. Можно сказать наверняка, что этим «прелестным» посланиям, состряпанным под диктовку чекистов, в лагерях ЮНРРА мало кто верил, получая обильную негативную информацию о голоде и репрессиях в СССР. Никакой самый горячий патриотизм, никакой «сладкий дым Отечества» не могли заставить этих людей вернуться в царство нищеты и беззакония на верную гибель.

Вернемся к основному сюжету нашего повествования – репатриации советских граждан из Франции. В ноябре 1947 г. она была фактически прекращена в связи с острым дипломатическим кризисом между СССР и Францией по поводу транзитного лагеря Борегар. Предыстория его такова: еще в 1940 г. немцы, разгромив французов и заняв Париж, создали в имении одного разорившегося аристократа Борегар в городке Буживаль, возле столицы, трудовой лагерь. Спустя четыре года, после освобождения страны, здесь обосновалась советская военная миссия по репатриации [см. подробнее: 23], где летом 1947 г. стали происходить странные вещи. Например, было установлено, что еще в сентябре прошлого года в СССР на теплоходе «Молотов» были отправлены 60 чел., имевших французское гражданство, без ведома парижских властей. Кроме того, имелись подозрения, что лагерь стал базой для разведывательной работы против Франции. Все это заставило правительство страны принять решительные меры. Вот как современный журналист передает хронику тех событий: «Во второй половине дня 14 ноября 1947 г. шеф французской службы безопасности Р. Вибо собрал целую небольшую армию: 400 бойцов спецназа, 60 транспортных машин, два танка. При себе он имел

приказ министра обороны (социалиста, между прочим), который давал ему полную свободу действий, включая применение при необходимости огнестрельного оружия. Решение о блокировании советского репатриационного лагеря Борегар было принято на заседании кабинета министров утром того же дня. Контрразведке удалось, наконец, найти предлог для решительных действий. В донесении службы прослушивания говорилось о содержании в этом лагере трех девочек, украденных у отца, получившего по решению суда право на их воспитание во Франции, в то время как мать пыталась незаконно вывезти их в СССР. Премьер-министр (тоже социалист) кратко подвел итоги обсуждения этого чреватого казуса словами: «Блокируйте Борегар, вскройте нарыв!» [24, 31-34].

Вооруженная сила, собранная у ворот лагеря, произвела должное впечатление на советское командование, и оно было вынуждено согласиться на проведение судебными исполнителями обыска. Пропавшие девочки, имевшие, как и их отец, русский по национальности, французское гражданство, были найдены и ему возвращены. Кроме того, в лагере был обнаружен тайник, в котором хранились два ящика с оружием – пулеметами, автоматами, гранатами. В результате инцидента правительство закрыло лагерь, а несколько позже – выслало из страны 19 руководителей «Союза русских патриотов» и его наиболее активных членов. Эта организация была создана во Франции после того, как в июне 1946 г. в СССР была объявлена амнистия эмигрировавшим после гражданской войны белогвардейцам. Всего под ее действие подпадало 11 тыс.чел. [2, 24], но реально воспользовалось ею лишь около 7 тыс., из них по национальности русских – 1 420, украинцев и белорусов 5 471 [11]. Последние, как было выше показано, возвращались на родину в большинстве через Одессу.

Точка зрения советской стороны на «дело Борегара» была изложена в двух нотах МИД СССР французскому правительству от 8 декабря 1947 г. В первой из них выражался решительный протест против враждебной акции французских властей и излагалась собственная версия событий. В ноте многократно (6 раз) повторялась мысль о том, что на лагерь, где находилось всего 58 советских репатриантов, включая женщин и детей, был послан двухтысячный отряд вооруженных полицейских с пулеметами и танками. Даже сегодня, по прошествии стольких лет, возникает возмущение применением столь непропорционально большой силы против лагеря и тем, что силовая акция была не только неадекватной, но и попросту излишней, ведь конфликт при желании можно было уладить дипломатическим путем. Хотя впоследствии некоторые французские авторы и писали о происках советских спецслужб (этого нельзя исключить), однако весь «казус Борегара» являлся лишь одним из многих проявлений той политической шизофрении, которая охватила мир с началом «холодной войны». С другой стороны, нельзя отрицать и того, что французские власти действовали в рамках международного права и поскольку Борегар не был защищен иммунитетом экстерриториальности, полиция имела право на крайние меры, чтобы выполнить решение суда. Что касается другой ноты МИД СССР, то в ней речь шла о преследовании советских граждан во Франции в связи с высылкой активистов «Союза русских патриотов» [10, ч. 2, 95-100].

Произошедшие возле Парижа в ноябре 1947 г. события резко ухудшили советско-французские отношения и имели далеко идущие последствия для двусторонних связей. Советское правительство объявило о закрытии своей миссии по репатриации во Франции и одновременно выслало из страны французскую миссию. Взаимная репатриация была прекращена и лишь после значительного перерыва возобновилась уже в ограниченном масштабе. Таких массовых акций, как прибытие двух больших кораблей с тысячами репатриантов, как это было в 1946 г., одесситы больше не увидят. В марте 1948 г. генерал Голиков жаловался заместителю министра иностранных дел Вышинскому «репатриация идет очень плохо» и привел следующие цифры подлежащих возвращению советских граждан: в самой Франции осталось 7 526 чел., в французской зоне оккупации в Германии – 9 617 чел., в такой же зоне в Австрии – 6 358 чел., а всего около 23,5 тыс.чел. [2, 357]. Одновременно в транзитном лагере в Люстдорфе ожидали отправки на родину 29 французов. Именно они связывали руки французскому правительству и не позволили ему, как того требовали крайне правые силы, полностью прервать взаимную репатриацию граждан. Она шла, затухая, вплоть до 1952 года.

Завершая исследование места и роли одесского транзита 1946 г. соотечественников из Франции, следует иметь в виду, что в общем плане репатриация советских граждан из-за границы преследовала, по мысли советского руководства, несколько целей. Первая цель – геополитическая: победа 1945 года в Европе и Азии превратила СССР в могучую военную державу, что породило гегемонистские устремления ее вождей. Территориальные приобретения 1939-1940 гг. и послевоенное расширение границ (Восточная Пруссия, Подкарпатская Русь, Южный Сахалин и Курилы), а также военные базы за рубежом (Порккала-Удд, Порт-Артур) давали, казалось бы, реальные шансы на победу в «холодной войне» и окончательное завершение начатой в 1917 г. мировой социалистической революции. Поэтому в условиях глобальной конфронтации необходимо было собрать из диаспоры в единое государство всех русских, украинцев, белорусов и армян. Здесь был также элемент состязания с мировым сионизмом, стремившемся поселить на территорию Палестины всех евреев мира и создать новое сильное государство. Израиль, однако, вопреки усилиям Кремля, стал верным союзником США. Во-вторых, проводя репатриацию и реэмиграцию своих и не вполне своих (бывших жителей аннексированных территорий, формально граждан чужих государств), СССР преследовал демографические цели, а именно стремился восполнить многомиллионные потери в человеческом потенциале, нанесенные продолжительной мировой войной.

В-третьих, нельзя приуменьшать гуманитарно-патриотическую сторону репатриации, начатой сверху и встретившей горячий отклик в душах миллионов «остарбайтеров», военнопленных, эмигрантов «первой волны», крестьян-старообрядцев, бежавших за границу сотни лет назад. Все эти люди, так или иначе страдавшие на чужбине, мечтали вернуться к истокам и обрести родину. Неизбывная тоска по родине метафорически выражена поэтом в проникновенных словах о «сладком дыме Отечества» (см. эпиграф к этой публикации). Иллюзии многих развеялись при встрече с суровой советской действительностью – СССР оказался вовсе не «землей обетованной» и «раем

для трудящихся». Вернуться назад, во Францию, было невозможно, ведь от Балтики и до Адриатики протянулся «железный занавес». Только отчаянные одиночки ценой невероятных усилий и трагических потерь смогли вновь обрести свободу.

Эти драматические коллизии между мечтой и действительностью, между любовью к Отчизне и любовью к Свободе убедительно показаны в кинофильме «Восток-Запад». Его сюжет имеет прямое отношение к теме настоящей статьи, поэтому скажем о нем несколько слов. Фильм исторически достоверен, его фабула и действие вполне коррелируют с приведенными в этой статье фактами [28]. В нем задействован замечательный актерский ансамбль из стран, неоднократно упоминаемых здесь – России, Франции, Украины, Болгарии. В едином творческом порыве сплелись французские звезды экрана Сандрина Боннэр и Катрин Денев, прекрасные русские артисты Олег Меньшиков и покойный Сергей Бодров; короткую, но яркую роль сыграл Богдан Ступка. Повторим: кинофильм «Восток-Запад» сделан так, как будто автор сценария еще десять лет назад (он вышел на экраны в 1999 г.) внимательно прочел настоящую статью и добавил к ней немного вымысла и много, очень много профессионализма и таланта.

Наконец, была и четвертая сторона советской репатриации, едва ли не самая главная, – идеологическая, агитационно-пропагандистская. Каждый возвращавшийся в СССР становился как бы живым доказательством превосходства социалистического общественно-политического строя над западным, советского образа жизни над буржуазным. Репатриация и реэмиграция сопровождалась массовой пропагандой в прессе и по радио, причем довольно эффективной, создавая в мире образ СССР как великой, дружной и процветающей семьи народов.

Вместе с тем не следует преувеличивать роль и место репатриации в жизни СССР первых послевоенных лет. В планах и заботах кремлевского руководства она занимала третьестепенное место. Об этом убедительно свидетельствуют опубликованные недавно повестки дня заседаний бюро и президиума Совета министров за 1945-1947 гг. Руководители правительства на этих заседаниях обсуждали сотни политических, экономических и социальных вопросов, вплоть до самых мелких, наподобие таких: «О ходе уборки подсолнечника» (18.10.1945), «О платности обучения в старших классах средних школ» (15.11.1945), «О мероприятиях по улучшению работы по восстановлению сырьевых запасов хурмы, железного дерева и граба в Азербайджанской ССР» (20.11.1945), «О мероприятиях по улучшению работы по первичной обработке льна в Калининской области» (20.03.1946), «О развитии культуры маслины в СССР» (22.06.1946), «О потерях трофейного племенного скота и о мерах по его сохранению и воспроизводству» (25.07.1946), «Об увеличении производства и улучшении качества ручных часов, швейных и патефонных игл и рыболовных крючков» (10.12.1946) и т.д. и т.п.

Лишь один раз правительство СССР обсуждало вопросы репатриации армян. На заседании 23 января 1947 г., где присутствовали все руководители партии и государства, кроме Сталина, – Молотов, Маленков, Берия, Косыгин, Вознесенский, Микоян, Каганович – был рассмотрен вопрос «О мероприятиях

по подготовке к приему и устройству зарубежных армян». Принятое решение, к сожалению, в сборнике опубликованных документов отсутствует. Зато в нем имеется другой документ, тоже касающийся репатриантов-армян. Это телеграмма Масленкова Сталину о чрезвычайном происшествии с ними, который произошел на теплоходе «Победа» летом 1948 г.

История эта имеет более глубокие корни, чем об этом весьма примитивно и неубедительно сообщал Маленков. Дело в том, что репатриантов и реэмигрантов из дальних стран (Франция, США) перевозили морем на трофейных пассажирских судах, полученных в качестве репараций с Германии. Так было в 1946 г., когда доставили из Франции в Одессу украинцев и белорусов на теплоходах «Молотов» и «Россия», так было и сейчас на «Победе». Уже первые рейсы трофейных кораблей обнаружили большие неполадки в их работе и вообще неподготовленность пассажирского флота к перевозке большого количества людей. Причины этих явлений вскрыты в приказе министра морского флота СССР от 17 сентября 1946 г.: низкая профессиональная подготовка моряков, их слабая техническая грамотность (немецкие инструкции так и не были переведены на русский язык); отсюда – неправильная эксплуатация кораблей [25, 4]. К счастью, отмеченные недостатки были устранены, поэтому рейс теплохода «Россия» в Одессу в декабре того же года прошел без инцидентов.

Не так удачно прошел рейс теплохода «Победа» также немецкого производства (спущен на воду в 1928 г., водоизмещением 10 тыс.т.) [26, 1]. Судно доставило из США репатриантов армянской национальности и разгрузилось в порту Батуми. Имея на борту немного пассажиров, в том числе китайского генерала с его свитой, корабль направился в Одессу и на траверзе Севастополя загорелся. В Одессу «Победа» пришла своим ходом, еще дымясь. В упомянутой телеграмме Сталину всю вину за поджог Маленков возложил на «американских разведчиков», якобы скрывавшихся среди армян. В Ереван и Баку (там тоже решили поселить армян, хотя Сталин и Микоян должны были хорошо помнить прежние кровопролития на этнической почве) были срочно посланы бригады чекистов в поисках мифических «поджигателей». Репатриацию армян из США и заодно из Болгарии решено было прекратить [27, 271-272]. Остается добавить следующее: ветераны ЧМП, с которыми беседовал автор статьи, трактуют это чрезвычайное происшествие иначе, чем Маленков: пожар на «Победе» начался в кинобудке на нижней палубе из-за неосторожности при перематке киноплёнки. Противогазы не действовали, так как были демонтированы и заполнены контрабандой. Пожар повлек за собой многочисленные человеческие жертвы, о чем Маленков в сообщении умолчал.

Обратимся вновь к упомянутому сборнику документов о работе высших органов партии и государства в 1945-1953 гг. Кроме вопроса о приеме репатриантов-армян, обсуждавшемся в Совете министров (1947 г.) и переписки между Маленковым и Сталиным о тех же армянах в связи с пожаром на теплоходе «Победа» (1948 г.) здесь публикуется документ, который касается реэмиграции советских граждан из Франции. Он довольно позднего происхождения (1950 г.), когда она фактически прекратилась. Это записка в президиум Совета министров, подписанная двумя министрами – иностранных дел А.Я. Вышинским и госбезопасности В.С. Абакумовым. Она касается

судьбы советских граждан, высланных из Франции еще в конце 1948 г. и в течение 1949 г. Все это время они вместе с семьями (всего 60 чел.) находились в Германии, в советской зоне оккупации, и ожидали разрешения на въезд в СССР. МИД и МГБ, говорилось в записке, полагали бы возможным разрешить этим людям въезд при условии их размещения в нережимных местностях РСФСР [27, 139]. По всей вероятности, это была последняя группа реэмигрантов, прибывших из Франции.

Общие итоги послевоенной репатриации по географической оси Восток – Запад (СССР-Франция) и Запад – Восток (Франция-СССР) таковы: из СССР выехало 313-315 тыс.чел., в том числе около 20 тыс. военнопленных эльзасцев; из Франции в СССР отправились 123 тыс. репатриантов. Они распределялись следующим образом: 86 тыс. военнопленных и 36 тыс. гражданских лиц; среди последних насчитывалось 7 тыс. реэмигрантов. Интересен национальный состав последней категории: русских – 1 420 чел., украинцев и белорусов – 5 471 чел. [2, 324; 11, 8]. Что касается транзитной роли Одессы в этой миграции, то она весьма значительна, о чем свидетельствуют цифры: в 1945 г. из СССР морем выехало около 25 тыс.чел., по преимуществу военнопленные, служившие в германской армии. А в 1946 г. из Франции на двух кораблях в Одессу прибыло 2 785 украинцев и белорусов польского происхождения. Кроме того, из Болгарии двумя рейсами парохода «Карл Маркс» были перевезены 1 310 русских. Этим же пароходом в Одессу из Румынии доставили еще 338 русских и, хотя из этой страны в СССР переселилось довольно много людей (более 6 тыс.), они Одессу миновали. Все румынские русские были отправлены на постоянное местожительство в Астраханскую область. Сменили, так сказать, живописную дельту Дуная на пустынные берега низовьев Волги.

Из этой массы мигрантов, прошедших через Одессу с Запада на Восток, в городе и области осталось совсем немного – около двух тысяч людей, в основном украинцы из Франции и небольшое число русских из Румынии. Прошло полтора года, и на прежнем месте остались 24 семьи украинцев и 27 семей реэмигрантов, по преимуществу русских. В общей сложности около ста человек.

Поистине: гора родила мышь.

Несмотря на столь скромные конечные результаты, транзитная эпопея Одессы 1945 и 1946 годов останется одной из ярких страниц в истории нашего приморского города.

Литература:

1. Большевистское знамя. – 1945. – 8 июня.
2. Retours d'URSS. Les prisonniers de guerre et les internés français dans les archives soviétiques 1945-1951 / Coordonné par C. Klein-Gousseff. – Paris, 2001.
3. ГАОО. – Ф.Р – 2000. – Оп. 3. – Д. 91.
4. Там же. – Д. 93.
5. Там же. – Д. 94.
6. Там же. – Д. 92 б.

7. Там же. – Д. 92 а.
8. ГАОО. – Ф.П – 22. – Оп. 9. – Д. 262.
9. Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1946 год. – М., 1952.
10. Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1947 год. В 2-х ч. – М., 1952.
11. Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан // <http://sepsis.ru/library/id - 1234.html>.
12. Sword K. Deportation and Exile: Poles in the Soviet Union, 1939-1948. – New York, 1994.
13. Макаrchук С. Переселенська акція на польсько-радянському пограниччі 1944-1946 // Світова історія ХХ століття: Енциклопед. словник. – Львів, 2008.
14. ГАОО. – Ф.П – 11. – Оп. 21. – Д. 13.
15. Там же. – Оп. 11. – Д. 257.
16. Там же. – Оп. 12. – Д. 131.
17. Там же. – Д. 109.
18. Ніточко І.І. Березівський район: історія, люди, події. – Одеса, 2006.
19. ГАОО. – Ф.Р – 2000. – Оп. 3. – Д. 92.
20. Чорноморська комуна. – 1946. – 5 грудня.
21. ГАОО. – Ф.Р – 1965. – Оп. 10. – Д. 17.
22. Край Овідія: Археологія та історія Овідіопольського району // І.І. Сапожников, В.В. Левчук, С.С. Аргатюк, Л.Г. Білоусова та інш. – Одеса, 2005.
23. Coudry G. Les camps soviétiques en France: Les Russes livrés à Staline en 1945. – Paris, 1997.
24. Вольтон Т. КГБ во Франции. – М., 2000.
25. ГАОО. – Ф.Р – 1965. – Оп. 12. – Д. 4.
26. Там же. – Оп. 10. – Д. 36.
27. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945-1953: Документы. – М., 2002.
28. «Восток-Запад»: кинофильм // <http://kinoros.ru/db/movies/170>.